

КАМИЛА ЛЕВИТАН

РАЗВОД

с предателем.

ТЫ ПРОДАЛ МОЙ ДОМ
РАДИ СВОЕЙ СЕКРЕТАРШИ!

Камила Левитан

**Развод с предателем. Ты продал
мой дом ради своей секретарши!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Развод с предателем. Ты продал мой дом ради своей секретарши! /
К. Левитан — «Автор», 2026

— Я подарил Дине половину квартиры. Смирись, Вика. Она теперь хозяйка! Муж произнёс это так спокойно, будто речь шла о старом диване. А ведь наш дом стоил шестьдесят миллионов! Потом я узнала остальное: поддельная подпись, пятнадцать миллионов чужих долгов на моё имя и почти пять миллионов моих накоплений, переведённых любовнице. Свекровь тоже участвовала в афере. Меня выставили за дверь собственного дома и объявили сумасшедшей. Они ждали, что я сломаюсь и откажусь от всего. Но я финансовый директор. Я умею находить деньги и ошибки в документах. А главную ошибку муж совершил, когда забыл: я пишу левой рукой. И теперь за всё придётся отвечать.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Камила Левитан

Развод с предателем. Ты продал мой дом ради своей секретарши!

Глава 1

Полдня я стирала, гладила и выстраивала идеальную геометрию быта. Это был ритуал перед приездом свекрови — Галины Петровны. Она считала, что порядок в доме отражает порядок в голове сына, а значит, и его деловую хватку. Мне нравилось это чувство контроля: чистые поверхности, симметричные подушки, тишина, которую не нарушает ничей голос. Мы с Артемом были командой. Или мне так казалось до того момента, когда я открыла шкаф в спальне.

Его пиджак висел дома. Тот, без которого он никогда не летал на важные переговоры.

Я помнила, как час назад Артем бросил сумку у двери, целуя меня в макушку. «Лечу на тендер, Вика. Будут сложные переговоры, лучше не отвлекать». Его голос звучал обычно, чуть хриловато от кофе, который он варил сам, пока я принимала душ. Я привыкла к этому звуку, к запаху его лосьона после бритья — сандал и немного химии, но всегда его. А сейчас, за дверью шкафа, среди аккуратно сложенных рубашек, торчал уголок серого твида. Тот самый костюм, в котором он ходил на важные встречи. Он не был упакован в дорожную сумку. Он висел здесь, забытый или спрятанный?

Мои пальцы коснулись ткани. Она была холодной, будто пролежала в темноте уже давно. И запах. Не мой кондиционер для белья, не его одеколон. Что-то сладкое, приторное, с нотками ванили и дешевых клубничных жвачек. Чужое. Чужая женщина дышала этим воздухом рядом с ним, пока он готовился к «тендеру».

Сердце пропустило удар, затем забилось с болезненной частотой, отдавая в висках. Я достала пиджак, чувствуя, как руки слабеют. Логика кричала: «Оставь. Верни на место. Свекровь через два часа будет здесь, ей нельзя волноваться. Артем просто замотался, забыл вещи». Но руки предательски полезли во внутренний карман. Там не было чека из ресторана, не было билета на поезд, не было даже зажигалки.

Там был лист А4. Сложенный вчетверо.

Бумага была плотной, официальной. Это была копия договора с нотариальной удостоверительной надписью. Дата: сегодня. Время: 14:00. Адрес объекта: наша квартира. Адрес регистрации. Объект сделки: одна вторая доля в праве собственности на квартиру по адресу... наш адрес. Получатель дарения: Дина Р., 26 лет. Паспортные данные. Я узнала имя помощницы из нашего ООО «СтройИнвест».

Я читала текст, и буквы плыли перед глазами, превращаясь в черных жуков. Договор дарения доли. Безвозмездная передача прав. Подпись Артема стояла твердая, уверенная. Моя подпись отсутствовала. По закону, для распоряжения совместно нажитым имуществом нужно согласие второго супруга. Но у Артема наверняка лежало в папке какое-нибудь «мое» согласие. Или документы о том, что квартира куплена на его личные деньги. Какие бумаги он уже успел подать? Я, финансовый директор с десятилетним стажем, не знала, что происходит с нашим собственным домом.

«Это ошибка», — прошептала я вслух. Голос дрогнул. Шутка. Провокация. Может, он тестировал новый шаблон договора? Может, это бланк для клиента?

Но номер реестра записи был настоящий. Печать была свежей. Чернила пахли свежестью.

Внутри меня что-то щелкнуло. Звук был похож на захлопывающуюся крышку гроба или на ставни в окне. Инстинкт самосохранения орал: спрячь бумагу. Сделай вид, что ничего не было. Сохрани иллюзию стабильности. Если Галина Петровна узнает об этом сейчас, все рухнет. А если подождать? Если проверить?

Но профессиональная гордость взяла верх над женской слабостью. Я не жертва. Я аудитор. И этот баланс должен сойтись.

Дрожащими руками я достала телефон. Камера фокусировалась тяжело, экран расплывался от слез, которые я отказывалась ронять. Я сделала снимок лицевой стороны. Затем оборота, с реквизитами сторон. Третий — крупным планом подписи. Четвертый — печати. Каждый клик затвора звучал как выстрел в пустой комнате. Фотографии легли в галерею, в папку «Скрытые файлы», которую я только что создала. Доказательства. Железобетонные.

Звук ключа в замке входной двери разорвал тишину гостиной.

Я вздрогнула так сильно, что телефон чуть не выскользнул из рук. Артем вернулся раньше заявленного времени. Самолет могли отменить. Или люди лгут о планах.

Быстрым движением я сунула телефон в карман домашнего халата. Копию положила на стол, а пиджак оставила на спинке стула у окна. Специально. Пусть видит. Пусть знает, что я знаю. Это была ловушка, маленькая, примитивная, но единственная, на которую у меня хватило сил.

Шаги в прихожей были тяжелыми, размеренными. Он снял обувь, повесил куртку. Я слышала, как он потянулся, хрустнув шеей. Обычный звук. Звук человека, который приходит домой, к своей жене, к своему гнезду.

Артем появился в дверном проеме гостиной. Улыбка на его лице была дежурной, натянутой. Он выглядел уставшим, но довольным собой. В руке он держал кейс, в другой — бутылку воды.

— Привет, красавица, — бросил он, оглядывая комнату. Взгляд скользнул по выглаженным шторам, по чистому столу. — Ты молодец. Мама будет в восторге.

Он прошел мимо меня, направляясь к дивану, и вдруг замер. Его глаза остановились на сером твиде на спинке стула. Секундная пауза. Всего одна. Я заметила, как напряглась его челюсть, как зрачки расширились, сканируя пространство. Он понял. Или заподозрил.

— Ой, — сказал он, пожимая плечами. Голос стал ровнее, без той прежней теплоты. — Забыл повесить. Спешил. Эти переговоры... тянут время.

Он сел на диван, расстегнув воротник рубашки. Движение было привычным, домашним. Слишком домашним для человека, который только что подарил половину нашей жизни другой женщине.

Я молчала. Смотрела на него. Не спрашивала «что это?». Не требовала объяснений. Я ждала реакции. Ждала, когда маска спадет, или когда он продолжит играть роль любящего мужа, не подозревая, что его аудитория уже видела черновики.

Артем усмехнулся уголком губ, увидев мой взгляд. Он встал, подошел ко мне. От него пахло потом и дорогим парфюмом, но тот сладкий, чужой аромат все еще витал вокруг, как призрак. Он обнял меня со спины, положив подбородок на мое плечо. Его горячее, влажное дыхание коснулось моей шеи.

— Ты чего такая напряженная? — шепнул он. Губы почти касались моего уха. — Расслабься, Вика. Мы же семья.

Семья.

Слово повисло в воздухе, тяжелое и липкое. Раньше оно согревало. Теперь оно резало. Для него «семья» была не союзом душ, не опорой в трудную минуту. Это был юридический термин. Совместно нажитое имущество. Балансовый отчет. Графа «расходы».

Я почувствовала, как его рука ложится на мою талию. Легкая, собственническая. Он думал, что я испугана его возвращением, его усталостью, предстоящим визитом матери. Он

думал, что я по-прежнему наивная девочка, которая верит в его слова, потому что боится остаться одна.

Но замок внутри меня щелкнул окончательно.

Я резко отстранилась. Не толкнула, просто сделала шаг вперед, разрывая объятие. Его рука соскользнула с талии, повиснув в воздухе на долю секунды, прежде чем он убрал ее обратно в карман брюк.

Артем моргнул. Удивление мелькнуло в его глазах, быстро сменившись раздражением.

— Виктория?

Я повернулась к нему лицом. Посмотрела прямо в эти красивые, темные глаза, в которых никогда не было правды, только расчет. В них отражалась моя собственная холодность. Та, которую я годами прятала в цифрах и таблицах, чтобы выжить в мире бизнеса. Теперь она стала моим доспехом.

— Ты прав, Артем, — сказала я тихо. Мой голос не дрожал. Ни единой ноты страха. Только сталь. — Мы действительно семья. Пока договоры не расторгнуты.

Он хмыкнул, решив, что я шучу или говорю загадками из-за стресса.

— Ну ты даешь. Пойду переоденусь, пока мама не приехала. Не хочу, чтобы она видела меня в этой мятой рубашке.

Он развернулся и пошел в спальню, насвистывая какую-то мелодию. Спокойный. Уверенный. Он не знал, что я уже составила акт сверки. Он не знал, что теперь он для меня не муж. Он — должник. Кредитор, которого обокрали, не плачет. Он считает убытки и готовится к банкротству противника.

Я осталась стоять посреди гостиной. Солнечный луч падал на спинку стула, освещая серый твид. Я достала телефон, проверила папку «Скрытые файлы». Четыре фото. Четыре доказательства.

И первый крючок в сети, которую я начну плести прямо сейчас.

За дверью спальни послышался звук льющейся воды. Артем мылся. Смывал с себя следы чужой женщины, чужого города, чужой жизни. А я смотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Они были готовы подписывать бумаги. Не на развод. На войну.

Глава 2

Гостиная пахла тяжелым, приторным ароматом орхидей и дорогим парфюмом Артема — смесью сандала и чего-то холодного, металлического. Этот запах всегда означал безопасность, статус, нашу крепость из бетона и стекла на сорок втором этаже. Сегодня он вызывал тошноту.

Я придвинула к Артему копию договора дарения на полированном столе из эбенового дерева. Бумага лежала ровно, уголок к уголку, как я любила в отчетах для совета директоров. Но руки предательски дрожали, и я скрестила руки, пряча пальцы под локтями, чтобы не выдать себя.

— Объясни мне это, — мой голос прозвучал глуше, чем я хотела. Я надеялась на сталь, но получила хрипотцу от сдерживаемых слез.

Артем даже не повернул головы. Он стоял спиной ко мне, аккуратно опрыскивая листья цветка из медного пульверизатора. Капли воды падали на пол с тихим шлепком, нарушая тишину квартиры, где обычно царила идеальная стерильность.

— Ты опять за старое, Вика? — протянул он, продолжая свое ритуальное омовение растений. В его тоне не было ни удивления, ни вины. Только скука человека, слушающего фоновый шум кондиционера.

Я поняла, что крик здесь бесполезен. Он превратил мою тревогу в пустоту, в бытовую рутину, которую можно игнорировать, пока не надоест. Гнев улетучился, оставив после себя лишь ледяную ясность. Нужно бить фактами, а не эмоциями.

— Дата заверения — сегодня в четырнадцать ноль-ноль, — процитировала я, глядя на его напряженную спину. — Стоимость доли — тридцать миллионов рублей. Адрес объекта — наша квартира. Имя одаряемого — Дина Р. Твоя личная ассистентка. Это не «за старое», Артем. Это кража.

Он наконец выпрямился. Медленно обернулся. На его лице не было шока, который я ожидала увидеть. Вместо этого в глазах плеснулась жалость — густая, маслянистая, липкая. Она раздражала больше, чем злоба.

— Ошибка стажера, — произнес он мягко, подходя к дивану и садясь так, будто мы обсуждали меню на ужин. — Или шутка Дины. Она любит проверять границы. Ты же знаешь эти молодежные игры: «а вдруг ты меня покроешь?». Вика, посмотри на меня. Ты действительно думаешь, что я стал бы рисковать репутацией компании ради... бюрократической опечатки?

Его слова звучали убедительно. Слишком убедительно. Логика была безупречной, если отбросить тот факт, что нотариус не делает ошибок такого масштаба. Но я почувствовала укол сомнения, острую занозу под ребрами. Может, я действительно перегорела? Может, цифры замещают мне реальность, и я ищу измену там, где есть только хаос бизнеса?

Мой взгляд упал на его руки. Левая лежала на колене спокойно, но большой палец правой руки нервно терзал край льняной скатерти на журнальном столике. Микродействие. Мелочь, которую заметил бы только финансовый директор, привыкший видеть скрытые резервы в балансах. Он нервничал. Значит, ложь имела цену.

— Покажи оригинал договора, — потребовала я, отгоняя сомнение прочь. — Или дай мне позвонить Дине прямо сейчас. Пусть она сама объяснит свою «шутку».

Артем вздохнул, потирая переносицу жестом уставшего менеджера.

— Не будет цирка из-за ерунды, Вика. Я не собираюсь устраивать допрос помощнице из-за того, что ты нашла черновик в кармане пиджака. У нас был трудный день. Инвесторы давят, сроки горят. А ты... — он посмотрел на меня с той самой жалостью, — ты снова впадаешь в паранойю. Тебе нужно отдохнуть. Или поработать над собой.

Он переводил стрелки. Мастерски, как фокусник, отвлекающий внимание зрителя одной рукой, пока вторая прячет кролика. Теперь виновата я. Моя «эмоциональная нестабильность» стала причиной конфликта. Если я буду настаивать, я подтверждаю его тезис о моей истеричности.

Я молча достала телефон. Экран вспыхнул, показывая время и уведомления. Палец завис над кнопкой видеозаписи. Мне нужен был документальный след, его позиция должна быть зафиксирована для суда, даже если суд еще далеко.

— Ты чего делаешь? — тон Артема изменился. Жалость испарилась, словно вода с горячего камня.

— Записываю наш разговор, — сказала я ровным тоном. — Для юриста. Чтобы завтра он мог задать вопросы по существу, а не по твоим воспоминаниям.

Артем рассмеялся. Коротко, сухо.

— Юриста? Серьезно? Ты хочешь позвать внешнего консультанта, чтобы он подтвердил твою истерику перед инвесторами? Если они узнают, что жена владельца компании требует доступа к внутренним документам через сторонних лиц, репутация фирмы рухнет. Ты понимаешь, что ты играешь не только со мной, Вика? Ты играешь с нашими деньгами.

Он поставил ультиматум, обертывая его в заботу о бизнесе. Он использовал мой страх перед общественным осуждением и потерей статуса против меня самой. Знает слабые места. Всегда знал.

— Либо ты веришь мне и успокаиваешься, либо мы едем к семейному психологу, которого я уже выбрал, — добавил он, глядя мне прямо в глаза. — Доктор Левин. Хороший специалист. Он поможет тебе справиться с этой... навязчивой идеей контроля.

В груди поднялась волна ярости, горячей и обжигающей. Он пытался загнать меня в угол диагнозом. Но вместо того чтобы ответить словами, я продолжила держать телефон, направляя камеру на него.

И тут все изменилось.

Артем резко вскочил с дивана. Его движения были быстрыми, почти звериными, лишеными обычной элегантности. Он выхватил телефон из моих рук так грубо, что я почувствовала боль в пальцах. Экран телефона ударился о спинку дивана, но не разбился. Артем швырнул его обратно ко мне, на мягкую ткань.

Лицо его исказилось. Улыбка исчезла полностью. Осталась жесткая маска контроля, холодная и расчетливая.

— Не смей меня снимать, — прошипел он тихо. Так тихо, что слова казались пулями. — Ты знаешь правила игры, Вика. Мы не ведем учет личных конфликтов. Это наше пространство. Наш дом.

Физическое вторжение разрушило последние остатки романтики. Это был не спор супругов. Это было доминирование хищника. Страх сжал горло тугой петлей, но мозг работал четко, фиксируя детали.

Я сделала шаг назад, инстинктивно желая сохранить дистанцию. Но он оказался быстрее. Артем перехватил меня за талию, блокируя движение корпусом, и прижал к стене. Не больно, но неотвратимо. Его предплечье давило мне на ключицу; от страха я никак не могла вдохнуть.

Мы оказались в плотном контакте. Я чувствовала жар его тела, биение его сердца, которое, вслед за его сорванным дыханием, билось часто и тяжело.

— Ты заигралась, — прошептал он мне на ухо. Его дыхание обожгло кожу шеи. — Лучше тебе вернуться в роль жены. Тихой, мудрой жены, которая знает, когда нужно замолчать. Пока я не стал слишком занятым человеком, чтобы обращать внимание на твои капризы.

Это угроза. Открытая, бесстыдная. Но в его глазах прямо перед собой я не увидела любви. Там не было страсти или боли. Там был холодный расчет человека, который загоняет жертву в угол перед тем, как нанести решающий удар.

Он отпускал меня медленно, проверяя, сломана ли воля. Я прижалась спиной к прохладной стене, чувствуя, как дрожат ноги. Телефон остался на диване.

Артем отступил на шаг, поправил рубашку, возвращая себе вид делового мужчины. Лицо снова стало приветливым, хотя желваки на скулах все еще подрагивали.

— Извини, — сказал он, и в этом «извини» не было раскаяния, только констатация факта неудачной коммуникации. — Давай выпьем вина. Красное. То, что ты любишь. Забудем этот нелепый эпизод.

Он направился к барной стойке, открывая бутылку. Звук пробки, щелчок штопора, бульканье жидкости в бокалах — обычные звуки нашего вечера. Обычные, кроме одного: запаха страха, который теперь висел в воздухе между нами.

Я взяла предложенный бокал. Стекло было холодным, тяжелым. Я не пила. Я смотрела, как он пьет, как он расслабляется, считая, что победил. Что сломал меня, запугал, вернул в рабство иллюзии стабильности.

И тогда я увидела это.

Глава 3

На его левом запястье, открывшемся, когда он поднял бокал, блеснула свежая царапина. Тонкая, розовая, еще не затянувшаяся корочкой. Я помнила фото в соцсетях Дины, сделанное вчера вечером. У края снимка виднелось мужское запястье с такой же царапиной. Ресторан «White Rabbit». Столик у окна. Часы показывали двадцать один час тридцать минут. Время, когда Артем утверждал, что был на деловой встрече с партнером из Казани.

Откуда взялась царапина, я не знала. Но на снимке рядом с Диной были его часы и это же запястье. Вчера он был рядом с Диной, а не на встрече вдвоем с партнером.

Туман газлайтинга рассеялся мгновенно. Его «жалость», его «ошибки стажера», его «паранойя» — все это было не попыткой переубедить меня. Это была дезориентация. Дымовая завеса, чтобы я не заметила дыр в его алиби. Он лгал не только про договор. Он лгал про место, про людей, про время.

Сомнения, которые грызли меня весь вечер, исчезли. На их месте выросла ледяная уверенность. Он не муж. Он враг. И он считает меня достаточно глупой, чтобы верить в сказки про ошибки в бумагах.

Я сделала глоток вина. Алкоголь обжег горло, согревая внутренности, но не сердце. Я улыбнулась ему самой вежливой, профессиональной улыбкой из тех, что я тренировала годами на переговорах с банками и агрессивными акционерами.

— Прости, Артем, — сказала я мягко, ставя бокал на стол. — Я просто устала. Цифры путаются в голове. Давай обсудим детали завтра, когда я буду в ресурсе.

Он кивнул, удовлетворенно. Он получил то, чего хотел: мою капитуляцию, мое молчание, мою «покорность». Он повернулся, чтобы идти в спальню, уверенный, что закрыл тему.

Ночью, когда его дыхание стало ровным и глубоким, я не стала искать доказательства в его телефоне. Это было бы ошибкой новичка. Он ждал этого. Он проверял бы историю браузера, сообщения, контакты.

Я вышла на балкон, закутавшись в кашемировый халат. Город внизу гудел, миллионы огней, каждая точка — чья-то жизнь, чья-то тайна. Воздух был морозным, он колот щеки, приводил мысли в порядок лучше любого кофе.

Я достала второй телефон — старый, рабочий, который я держала для черных списков поставщиков. Отключила геолокацию. Набрала номер, который мне дали коллеги два месяца назад, когда я случайно упомянула сложности с корпоративным управлением.

Сергей Волков. Независимый арбитражный управляющий. Человек, который специализировался на том, чтобы находить деньги там, где их официально нет. Жесткий, бескомпромиссный, опасный.

Сообщение ушло мгновенно.

«Мне нужен человек, который умеет находить деньги там, где их официально нет. Завтра в десять. Мой офис или ваш?»

Ответ пришел через минуту — сухой, без приветствий и вопросов.

«У меня. Адрес пришло. Привезите все документы. Оригиналы.»

Я убрала телефон в карман. Внутри ничего не дрогнуло. Ни страха, ни сожаления. Только холодный расчет. Игра началась. И впервые за годы брака я играла не по его правилам.

Ветер в Москве пахнет выхлопом и чужими деньгами. Я стояла у стеклянных дверей бизнес-центра «Око», чувствуя, как холод пробирается под тонкий плащ. Внутри — тепло, кофе с корицей и жизнь Артема. Снаружи — я. Не жена. Не финансовый директор. Просто баба, которая пришла за правдой.

Пропуск? У меня его не было. Пароль от корпоративной почты он сменил утром, после нашего вчерашнего разговора о копии договора дарения. Сергей перенес встречу: срочное

заседание. Я не выдержала ожидания и поехала в офис Артема. Физический доступ остался за ним. Охранник в лобби, здоровенный парень с каменным лицом, даже не поднял глаз, когда я подошла.

— Пропуска нет, гражданочка. Проходите через ресепшен по записи.

Мой желудок сжался в тугий узел. Страх? Нет. Злость. Холодная, расчетливая ярость, которая обычно включается перед сложной сделкой. Но здесь сделки не было. Здесь была война.

Я достала телефон. Набрала номер внутреннего телефона секретариата. Голос дрогнул, когда я имитировала панику:

— Помогите! Мне плохо... В лифте. Сердце... Дышать не могу!

На другом конце провода повисла секундная тишина, а затем послышались торопливые шаги и крик охраннику: «К лифту быстро!» Камера наблюдения, вероятно, тоже зафиксировала хаос. Пока гигант бежал к эскалатору, я прошла через калитку, которую он оставил распахнутой. Быстро. Тихо. Как мышь.

Лифт шел вверх, цифра этажа прыгала: 12, 15, 18. Мои руки дрожали так сильно, что я прижала их к груди, чтобы никто не увидел. Я ненавидела себя за это унижение. За то, что мне приходилось прятаться в собственном офисе, пока муж переписывал наш дом на свою любовницу.

Двери открылись. Этаж Артема. Коридор был залит стерильным белым светом. Ковер поглощал звуки шагов, но не мог заглушить мою внутреннюю бурю. Я шла прямо к переговорной комнате напротив кабинета мужа. Дверь была приоткрыта. Отлично.

Внезапно сбоку раздался резкий голос:

— Виктория Андреевна? Вы чего тут забыли? Слухи ходят, что вы совсем крышу потеряли. Муж вас бросил, а вы теперь по офисам шастаете?

Это была Людмила из бухгалтерии — болтушка, которая всегда знала больше всех и меньше всех понимала. Она стояла посреди коридора, держа в руках папку, и смотрела на меня с тем самым липким любопытством, которое бывает только у людей, живущих чужой жизнью.

Мои пальцы сжали сумочку до побеления костяшек. Хотелось закричать. Хотелось ударить. Но я вспомнила лицо Артема, когда он говорил: «Ты истеричка, Вика. Тебе нужен врач». Если я сейчас сорвусь, они получат свое доказательство моей «неадекватности».

Я выпрямилась. Подняла подбородок. Посмотрела на Людмилу так, как смотрела на стажеров, которые путали дебет с кредитом.

— Конфиденциальность данных сотрудников является приоритетом компании, Людмила Ивановна, — произнесла я ровным, стальным голосом. — Любые обсуждения личных дел руководства вне рабочего процесса могут быть расценены как нарушение трудовой дисциплины. Я направлю служебную записку HR-директору о вашем поведении. Хотите потерять работу из-за сплетен?

Лицо женщины вытянулось. Страх перед начальством — универсальный язык. Она пробормотала что-то неразборчивое и ретировалась в сторону своих столов. Я прошла дальше, оставляя за собой запах дорогого парфюма и холода.

Переговорная комната была пуста. Только длинный стол, экран телевизора и пульт видеоконференций. На экране светилось подключение к кабинету Артема — он часто говорил с сотрудниками, не выходя оттуда. Сейчас никто не отключил канал.

Я прикрыла дверь. Щелчок защелки прозвучал как выстрел. Сесть нельзя. Стоять нельзя. Нужно слушать.

Голоса пришли из динамика колонки на столе. Они были глухими, но отчетливыми. Из кабинета Артема.

— ...она просто мертвый груз, Дин. Понимаешь? Ни пользы, ни ума. Терплю ее только ради статуса женатого мужчины. Это важно для банковского кредита.

Голос Артема. Спокойный, равнодушный. Будто обсуждал не жену, а сломанный принтер.

А потом рассмеялась она. Дина. Ее смех звенел в ушах, как битое стекло.

— А если она подаст иск сейчас? Мы можем подать встречный. О психическом расстройстве. Справки соберем. Ты же знаешь, как легко найти хорошего психиатра. Ей просто не дадут говорить в суде.

Тошнота подкатила к горлу. Желчь обожгла пищевод. Я хотела выбежать, крикнуть, вцепиться им в лица. Но ноги отказались повиноваться. Вместо этого я достала телефон. Руки все еще дрожали, но я включила диктофон. Запись начата. Время: 14:37.

Я перестала быть женой. Я стала архивариусом собственного разрушения. Каждый их циничный слог, каждый смешок фиксировался в памяти устройства. Это будет моим оружием. Не слезами, не мольбами, а сухими фактами.

Дверь переговорной вдруг распахнулась. Свет из коридора ударил в глаза.

Глава 4

Дина стояла на пороге с двумя стаканами кофе. Она выглядела безупречно: идеальная прическа, дорогая блузка, улыбка хищницы, почуявшей добычу. Но улыбка погасла, когда она увидела меня.

— Что ты здесь делаешь? — спросила она резко, входя внутрь и закрывая дверь. — Тебя сюда не приглашали. Иди домой, старая кляча.

«Старая кляча». Слово впилося в плоть. Обида вскипела, горячая и красная. Но я посмотрела ей прямо в глаза — карие, хитрые.

— Я жду тебя, — сказала я тихо. Так тихо, что ей пришлось напрячься, чтобы услышать. — У нас есть дело.

Дина замерла. В ее взгляде мелькнуло недоумение. Она ожидала истерики, криков, брызг слюней. А получила спокойствие. Это сбивало с толку.

— Чего ты хочешь? — процедила она, делая шаг назад, к двери. Она поставила кофе на стол и потянулась к телефону. — Позову охрану. Артем тебя выведет силой.

И тогда я сделала то, чего она не ожидала. Я схватила ее за запястье. Крепко. С той силой, которую в себе не подозревала. Девушка ойкнула и попыталась вырваться, но я держала мертво.

— Если он выйдет, — прошипела я ей в лицо, чувствуя вкус металла во рту, — я скажу ему, что ты слила информацию о проверке налоговой инспекции. Он тебе этого не простит. Ты же знаешь, как он боится налоговиков. Знаешь, что он сделает с теми, кто подставляет его перед законом?

Дина побледнела. Телефон упал на пол с глухим стуком. Страх перед хозяином перевесил презрение ко мне. Я разжала пальцы. Она отдернула руку, потирая покрасневшее запястье.

— Ты... ты больная, — прошептала она, отступая к стене.

— Возможно, — ответила я. — Но я знаю твои секреты.

В этот момент дверь переговорной открылась. Артем выглянул из коридора. Шум падения телефона привлек его внимание. Он вышел, поправляя манжеты рубашки. Его лицо было маской вежливого удивления, но глаза сканировали ситуацию, как радар.

Он видел Дину, прижавшуюся к стене. Видел меня, стоящую посреди комнаты. Никакого хаоса. Никаких драк. Только напряжение.

— Дина, иди работай, — приказал он, не глядя на девушку. Та подхватила с пола телефон и метнулась прочь, будто спасаясь от чумы.

Артем повернулся ко мне. Медленно. Он не кричал. Не злился. Он смотрел на меня с таким ледяным презрением, что мне стало физически холодно.

— Ты потеряла рассудок, Вика, — сказал он мягко. — Мне жаль.

Это «мне жаль» было страшнее любого удара. Это был вердикт. Он уже все решил. Для него я была не женой, не партнером, а проблемой, которую нужно изолировать. Он использовал мои эмоции против меня, превращая каждую мою реакцию в доказательство моей слабости.

Я поняла правила игры слишком поздно. Но теперь я знала, как играть дальше. Не чувствами. Цифрами. Доказательствами.

Я молча развернулась. Не сказав ни слова. Ни единого звука. Любое слово сейчас стало бы уликой против меня в будущем процессе.

Я вышла в лифт. Двери сомкнулись, отсекая его взгляд. В зеркале лифта я увидела чужую женщину. С холодными глазами и прямой спиной.

Спуск вниз занял вечность. Когда я вышла на улицу, руки снова затряслись, но на этот раз от облегчения. Телефон в кармане вибрировал. Входящий звонок. Незнакомый номер.

Я остановилась у края тротуара, чувствуя, как ветер бьет в лицо. Нажала кнопку ответа, прежде чем успела подумать.

— Да?

Голос на том конце был низким, бархатным и абсолютно безликим.

— Я освободился, — сказал он. — Вы можете приехать ко мне сейчас? Привезите документ, который нашли. И запись, если удалось что-то записать.

Сергей. Независимый арбитражный управляющий. Тот самый человек, которому я написала ночью и с которым условилась встретиться.

О записи он знать не мог. Просто угадал — или такие клиенты приходили к нему каждый день?

Страх смешался с надеждой. Кто-то играл с нами. Я назвала ему время и адрес ближайшей кофейни. Не офис Артема. Первое место встречи я выбрала сама.

Холл банка «ФинансГранд» пах кондиционированным воздухом и дорогим парфюмом. Я вцепилась пальцами в сумку так, что кожа на ладонях заныла. Внутри лежала копия договора дарения, найденная в кармане пиджака Артема. Этот лист был моим щитом и мечом одновременно, но сейчас я чувствовала себя голой перед лицом системы, которую мой муж построил годами.

Менеджер за стеклом даже не поднял глаз. Его лицо выражало вежливое презрение, знакомое каждому, кто хоть раз пытался пробиться через бюрократический барьер.

— Мне нужна выписка по счетам компании и копия договора поручительства, — сказала я равно. Голос не дрогнул. Тренировка.

Он вздохнул, словно просил прощения у вселенной за то, что ему пришлось общаться с непрофессионалами.

— Виктория Андреевна, если вы забыли, доступ к информации о клиентах имеет только сам должник или судебные приставы. Без письменного запроса от господина Соловьева...

— Вы нарушаете закон о защите персональных данных, отказывая в предоставлении сведений лицу, указанному в документах как поручитель, — перебила я. Это была ложь. Чистая, красивая, юридически опасная ложь. Но звучала она убедительно. — Я финансовый директор «СтройИнвест». А по этому договору вы предъявляете требование лично мне. Если вы не дадите мне документы прямо сейчас, я напишу жалобу в ЦБ и потребую проверки всех ваших сделок за последний год. Ваш отдел комплаенса будет рад вашему энтузиазму.

Лицо менеджера побледнело. Он схватил телефон, набрал номер и шепотом произнес: «У нас тут... ситуация. Да, та самая жена. Нет, она угрожает...»

Через пять минут из служебного лифта вышел мужчина в сером костюме. Олег. Я помнила его по корпоративным вечеринкам Артема три года назад. Тогда он улыбался, наливая шампанское гостям. Сейчас улыбка исчезла, оставив лишь жесткие складки у рта.

— Проходите, Виктория, — сказал он холодно, открывая дверь в переговорную.

Комната была стерильно белой. Стол, два стула, монитор. Олег сел напротив, положив руки на столешницу. Пальцы были длинные, ухоженные. Руки человека, который считает чужие деньги.

— Договор поручительства заключен три года назад, — начал он без предисловий. — Сумма основного долга — пятнадцать миллионов рублей. Просрочка уже два года.

Я почувствовала, как внутри все оборвалось. Три года. Именно тогда мы купили эту квартиру. Именно тогда Артем говорил, что хочет обеспечить наше будущее.

— Я никогда ничего такого не подписывала, — произнесла я тихо.

Олег усмехнулся. В этой усмешке было столько цинизма, что захотелось ударить его по лицу.

— А вот это интересно. Посмотрите.

Глава 5

Он повернул ко мне ноутбук. На экране скан документа. Подпись. Мой почерк. Идеальный. Даже те мелкие завитки, которые я делала автоматически, когда торопилась.

— Ваш муж очень убедительно объяснил, почему вы могли забыть, — продолжил Олег, наблюдая за моей реакцией. — Стресс. Депрессия после выкидыша. Вы были нестабильны, Виктория. Он просто помог вам оформить «технические» бумаги, чтобы спасти бизнес от налоговых проверок.

Тошнота подкатила к горлу. Ложь про ребенка. Артем знал, что я не смогу рожать после той аварии, и использовал это как алиби для своей алчности. Он превращал мою боль в юридическую лазейку.

— Это фальшивка, — сказала я, стараясь говорить четко, хотя язык деревенел. — Я требую оригинал. И я инициирую почерковедческую экспертизу.

— Экспертиза? — Олег рассмеялся. Звук был сухим, как треск ветки. — Она стоит две-сти тысяч. Пока суд решит, мы опишем вашу квартиру. У вас есть куда идти, дорогая? Или будете ночевать в офисе мужа? Который, кстати, уже подал заявление о личном банкротстве. Мы уже подали заявление об обеспечительных мерах. Ваша доля в квартире теперь — предмет спора между нами и конкурсными кредиторами.

Я вышла из банка оглушенная. Мир качался перед глазами. Пятнадцать миллионов. Долг, которого не существует. Квартира, которую хотят забрать. И этот смех Олега, звучащий в голове эхом.

На ступенях меня ждали. Не полиция, не коллекторы. Дина.

Она стояла в тени колонны, прижимая к груди папку с документами. Ее глаза были красными, макияж немного размыт. Она выглядела не как победительница, а как загнанный зверек.

— Ты здесь, — прошептала она, когда я поравнялась с ней.

— Прочь с дороги, — бросила я, пытаюсь пройти мимо.

— Он сказал, ты будешь здесь. Ждет твоего звонка. Не делай глупостей, Вика. Пожалуйста.

Ее голос ломался. В этом слове «пожалуйста» было больше правды, чем во всех речах Артема за десять лет брака.

Я остановилась. Взгляд упал на папку в ее руках. Верхний лист торчал наружу. Знакомый бланк. Еще одна копия договора дарения доли в нашей квартире на имя Дины.

Резко перехватив ее запястье, я вырвала бумагу. Дина не сопротивлялась. Наоборот, она толкнула документ в мои руки, шагнув ближе. Запах ее дешевых духов смешался с запахом страха.

— Заберёшь? — прошептала она, глядя мне прямо в глаза. — Тогда спаси нас обоих. Он убьет меня, если узнает, что я всё рассказала тебе. Он думает, я тупая овечка. Но я видела, как он готовил эти бумаги. Видела нотариуса.

Я отпустила ее. Дина побежала вниз по ступенькам, растворяясь в потоке прохожих. Я осталась стоять с бумагой в руке, чувствуя, как ветер продувает куртку до костей.

Дом встретил меня тишиной. Слишком густой, слишком тяжелой.

Курьер уже сидел на скамейке в подъезде, скучающе листая журнал. Он вручил мне заказное письмо с маркировкой арбитражного суда.

«Уведомление о принятии заявления о признании гражданина Соловьева А.В. банкротом. Заинтересованные лица: супруга Соловьева В.А.»

Руки затряслись. Они уже начали. Схема работала безотказно, пока я копалась в их долгах.

Я достала телефон. Сергей. Единственный человек, которому я могла позвонить, не рискуя быть высмеянной.

Гудки шли долго. Каждый сигнал бил по нервам. Когда трубку наконец взяли, голос Сергея был жестким, почти рычащим.

— Слушаю.

— Меня хотят описать. Банкротство Артема началось, — выпалила я.

Пауза. Такая долгая, что я успела услышать собственное сердцебиение.

— Не открывай дверь никому, — сказал он медленно, четко артикулируя каждое слово. — Даже полиции. Если придут приставы — звони мне сразу. Я буду там через двадцать минут. Держись, Виктория.

Связь оборвалась.

И тут в дверь позвонили.

Не звонок домофона. Резкий, агрессивный стук кулаками в металл.

— Открой! Я знаю, что ты дома! Свет горит!

Артем.

Я не стала открывать сразу. Подошла к глазку. Его лицо было искажено, глаза мутные. Алкоголь? Или наркотики? Или просто ярость?

Он повернул свой ключ в замке. Дверь распахнулась, и он ворвался внутрь, сбивая меня плечом. Я отлетела к стене, больно ударившись спиной.

— Ты подставила меня! — крикнул он, дыша перегаром и злобой. — Банк звонил! Ты пыталась продать долю тайно?! Ты хочешь оставить нас нищими?!

— Нищими? — переспросила я, медленно поднимаясь. Голова кружилась, но внутри кипел холодный огонь. — Ты хочешь сказать, что ты пытаешься оставить меня нищей? Чтобы твоя любимая помощница могла жить в моей квартире?

Я протянула ему письмо из суда и договор дарения, который мне сунула Дина.

— Объясни. Зачем тебе нужно было, чтобы я осталась одна на улице?

Артем посмотрел на бумаги. Его лицо изменилось. Ярость сменилась паникой. Он схватил свой телефон и швырнул его об стену. Экран разлетелся в осколки, пластик хрустнул под каблуком.

— Ты думаешь, я хочу тебя уничтожить?! — прорычал он, нависая надо мной. — Я хочу спасти бизнес! Кредиторы душат! Мать требует отчеты! Ты мешаешь! Ты всегда мешаешь своими моральными принципами!

— Подпиши мировое соглашение, — вдруг успокоился он, доставая из кармана мятый листок. — Здесь сказано, что ты отказываешься от претензий к личному имуществу. Взамен ты получаешь... ну, пусть остается тебе эта квартира, пока суд не решит. Но ты не трогаешь компанию. Мы разойдемся тихо.

Я взяла листок. Почерк Артема. Аккуратный, уверенный.

«Отказ от претензий в обмен на сохранение статуса жены (фиктивно)».

Трус. Он не хотел разводиться, потому что это вызвало бы вопросы у налоговой. Он хотел, чтобы я молчала и страдала в стороне, пока он спасает свою шкуру.

— Ты не манипулятор ради денег, — сказала я, глядя ему в глаза. — Ты трус, который готов пожертвовать женой ради своей кожи.

Я разорвала листок на четыре части. Бумажные конфетти упали на коврик у двери.

Артем застыл. В его глазах мелькнуло что-то похожее на уважение, но тут же потухло, заменившись ненавистью.

— Ты пожалеешь, — прошипел он и выбежал из квартиры, хлопнув дверью так, что содрогнулись стены.

Я осталась одна в тишине.

Мир вокруг замер. Сердце колотилось где-то в горле.

Я подошла к мусорному ведру в прихожей, куда Артем, выворачивая карманы, бросил визитки и старые квитанции. Среди обрывков квитанций и салфеток лежала смятая визитка.

«Нотариус Ирина Волкова. Специализация: сделки с недвижимостью».

Я развернула ее. На обороте, его почерком, крупными буквами было написано:

«Спросить про вторую сделку. Дина знает».

Вторая сделка.

Договор поручительства, который показал Олег, был датирован тремя годами ранее. Я не подписывала его ни тогда, ни позже.

На скане поручительства в банке тоже стояла удостоверительная надпись. Я запомнила фамилию и сверила ее с копией дарственной, которую получила от Дины.

Это был один и тот же человек. Ирина Волкова.

Значит, схема единая. Артем не просто выводил активы. Он создавал иллюзию долга, чтобы потом легально присвоить имущество через фиктивное банкротство. И ключ ко всему этому хранился у одного нотариуса.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от Сергея. Я уже переслала ему фото письма и визитки.

«У меня есть адрес Волковой. Проверим его прямо сейчас. Но предупреждаю: там может быть опасно. Жду внизу. С.».

Сергей.

Он уже был здесь. После нашей встречи в кофейне прошло всего несколько часов, а я уже ждала его приезда, как ждут скорую.

Я посмотрела на свои руки. Они все еще дрожали, но теперь это была не дрожь страха. Это была вибрация готовности.

Я схватила куртку. Долг, которого нет, имел реальные последствия. И единственный способ остановить их — найти того, кто держал ниточки. Нотариуса, который стал соучастником преступления.

Прежде чем выйти, я заглянула в зеркало в прихожей. Лицо было бледным, глаза блестели от невыплаканных слез. Но губы сжались в тонкую линию.

Жена умерла. Остался противник.

И я шла на встречу со своим новым союзником, не зная, кого больше боюсь: Артема, который мог прийти снова, или мужчины, который ждал меня внизу, готовый вести меня туда, откуда нет возврата.

Глава 6

Три часа ночи. Синий свет монитора выжигает сетчатку, превращая цифры в кислоту. Я сижу на полу в гостиной, прижавшись спиной к холодному кафельному плинтусу. После поездки с Сергеем к закрытой нотариальной конторе я вернулась одна. Артем не ночевал дома. Я почти жду его победного храпа, но в квартире тихо.

Мой онлайн-кабинет «Альфа-Банка» висит на экране. Строка «Накопительный счет: 4 850 000 рублей». Или должна висеть. Там я хранила подушку безопасности. Не для бизнеса, не для его стройки. Для себя. На случай, если однажды проснусь и пойму, что рядом спит чужой человек.

Я обновляю страницу. Курсор мигает, словно подмигивает мне издевательски.

Баланс: 0.00 руб.

Воздух исчезает. Легкие перестают слушаться. Это не ошибка системы. Это не технический сбой. В голове щелкает тумблер: тишина паники сменяется гулом ярости. Холодной, стерильной, как скальпель хирурга.

Звонит телефон. Артем. Даже ночью он чувствует мой страх через кожу.

— Викуша, ты чего не спишь? — голос сонный, бархатный, липкий от лжи. — Я всё улажу. Просто подожди до утра. Давай поговорим спокойно, как взрослые люди. У нас кредиты, бизнес... Не делай глупостей.

«Глупостей». Он считает меня дурой, которая не видит нитей своей марионетки.

Я смотрю на цифру «0» и чувствую, как внутри что-то кристаллизуется. Страх уходит. Остается только расчет.

— Спокойной ночи, Артем, — говорю я так тихо, что сама себе завидую. И сбрасываю вызов.

Не просто игнорирую. Блокирую номер. Экран гаснет, оставляя меня в темноте один на один с пустотой кармана. Но это не поражение. Это начало войны. Завтра я пойду туда, где его деньги пахнут потом Дины.

Утро встречает меня серым дождем и пробками на Ленинградке. Я еду в головной офис банка, забронировав время через онлайн-кабинет, но чувствуя, как тикают часы. Телефон вибрирует в сумке каждые две минуты. Артем пишет сообщения, звонит с разных номеров, пытается пробить мою защиту.

«Ты меня позоришь. Верни трубку.»

«Дина боится тебя. Ты её доведешь до нервного срыва.»

«Если ты сейчас в банке, мы потеряем все.»

Каждое слово — крючок, чтобы вытащить меня обратно в клетку его нарратива, где я истеричка, а он — жертва обстоятельств. Я кладу телефон экраном вниз на пассажирское сиденье. Громкость на минимум. Тишина в салоне становится моей броней.

Парковка VIP-зоны банка. Стеклопакеты с сенсорными датчиками. Охранник в строгом костюме преграждает путь. Его лицо непроницаемо, как стена Кремля.

— Пропуск? — спрашивает он механически.

— Виктория Соловьева. Персональный менеджер Игорь Соколов. Запись на десять тридцать, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Нет записи в системе на сегодня, — охранник даже не смотрит на меня. — Ждите в холле. Или уходите.

Я вижу, как он косится на гарнитуру в ухе. Он получает указания сверху. Артем уже здесь. Артем везде.

Мои пальцы впиваются в ручку сумки. Кровь бьет в виски, но я улыбаюсь. Широко, обнажая зубы хищника.

— Вы знаете, кто я? — спрашиваю я, понижая голос до шепота, который слышен лучше крика. — Если через пять минут я не увижу Игоря, я наберу горячую линию ЦБ и продиктую им номер вашего поста. А потом напишу жалобу директору филиала. Знаете, как зовут директора? Анна Львовна Морозова. Мы вместе учились в МГИМО. Вы хотите быть причиной моего разговора с ней?

Охранник вздрагивает. Тень неуверенности скользит по его лицу. Он отступает в сторону, открывая дверь.

— Проходите. Второй этаж, кабинет 214.

Лифт едет вверх. Металлическая коробка давит на уши. Я проверяю запись в телефоне. Красная точка горит. Я готова.

Кабинет менеджера пахнет дорогим кофе и тревогой. Игорь Соколов, мужчина лет сорока с безупречной прической, выглядит так, будто видел призрак. Его глаза бегают по столу, избегая моего взгляда.

— Виктория Андреевна, здравствуйте. Рад вас видеть, — он натягивает улыбку. — Чем могу помочь?

— Мне нужна полная распечатка транзакций по моему накопительному счету за последние три дня, — говорю я, садясь напротив.

Игорь морщится.

— Видите ли, система сейчас испытывает небольшие перегрузки... Есть задержка обработки данных. Может, попробуем завтра? Или онлайн?

Он врет. Я вижу, как его рука дергается к клавиатуре, пытаясь закрыть окно браузера. Корпоративная этика: «Клиент всегда прав, пока не звонит его муж-бизнесмен».

Я молча кладу на стол свой телефон. Экран показывает запись: таймер идет.

— Игорь, — я смотрю ему прямо в глаза. — Либо вы печатаете документы сейчас, либо эта запись отправляется Анне Львовне с подписью: «Менеджер отказывает клиенту в доступе к средствам под давлением третьих лиц». Артем Соловьев платит вам зарплату? Или банк?

Лицо Соколова бледнеет. Он глотает воздух, словно рыба, выброшенная на берег.

— Секунду, — шепчет он.

Клавиши стучат быстро, нервически. Через минуту принтер выплевывает лист бумаги. Я беру его, даже не читая вслух. Я знаю, что там.

Выхожу из кабинета с листом в руках. Каблуки цокают по паркету, отбивая ритм моего сердца. Дзынь. Дзынь. Дзынь.

В машине я раскладываю документ на коленях. Три перевода. Дата: три дня назад. Получатель: ИП Романова Дина Сергеевна. Назначение платежа: «Консультационные услуги по оптимизации налоговой нагрузки». Суммы: миллион, полтора, два миллиона триста пятьдесят тысяч. Итого — вся моя жизнь, испаренная в никуда.

Переводы подтверждены через доступ, который я когда-то оставила Артему для оплаты наших счетов. Теперь я отозвала его и подала заявление о несогласии с операциями. Но деньги уже ушли. Есть договор. Есть акт выполненных работ. Пока банк разбирается, Дина может вывести их дальше. Мои личные деньги стали частью схемы отмыwania активов мужа. Я не просто обворована. Я стала инструментом.

Горечь поднимается к горлу. Хотелось бы заплакать, завывать, разбить стекло. Но слез нет. Только пустота внутри груди, куда ветер продувает насквозь.

На парковке меня ждет черный внедорожник Audi Q7. Стекло тонировано почти в черное. Двигатель работает, создавая низкочастотный гул. Сергей открывает дверь.

Сергей стоит у машины. Высокий, в темно-синем костюме без галстука. Руки в карманах. Лицо спокойное, почти скучающее. Он не спрашивает, как прошла встреча. Он смотрит на мое лицо, на мои руки, сжимающие бумагу, и делает вывод быстрее, чем любой следователь.

— Ты выглядишь как человек, который только что понял, что его дом горит, а пожарный шланг отрезали, — говорит он. Голос ровный, баритон, от которого мурашки бегут по спине. Не от страха. От осознания масштаба опасности.

Я хочу пройти мимо. Гордость не позволяет мне принять помощь от этого человека, который смотрит на меня как на шахматную фигуру.

— Мне никто не нужен, Сергей. Спасибо, что предупредил про нотариуса. Дальше я справлюсь сама.

Я делаю шаг к своему автомобилю.

— Дина не просто помощница, — бросает он вслед. Не повышая голоса. Просто констатируя факт. — Ее показания могут стать твоей страховкой. А пока она говорит то, что нужно Артему.

Я останавливаюсь. Поворачиваюсь.

— Что ты имеешь в виду?

Сергей улыбается уголком рта. Холодно.

— Садись в машину. Или продолжай стоять под дождем и смотреть на свои пустые счета. Выбор за тобой.

Салон его машины пахнет кожей, сигарным табаком и чем-то резким, химическим. Запах власти. Я сажусь на заднее сиденье, чувствуя себя неуютно, слишком открыто.

— Объясни, — требую я.

Сергей садится на переднее сиденье, поворачивается, глядя на меня через зеркало.

— Артем использовал твои счета как буфер. Деньги шли через тебя, потому что эти личные счета не отражались в бухгалтерии компании. Он рассчитывал, что это снимет подозрения с его фирмы. Но теперь эти переводы оформлены как платежи Дине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.